
А.В. Марыняк

ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ЭМИГРАЦИИ
О СОСТОЯНИИ ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Одной из основных тем в работах русских офицеров, оказавшихся в эмиграции, стала история Первой мировой войны и участие в ней России. Круг разбираемых тем был крайне широк — от простых воспоминаний авторов о том или ином эпизоде с их личным участием до серьезных профессиональных разборов крупных операций на страницах военно-научных изданий и проблем, возникших в результате закончившейся мировой войны (структурные и организационные изменения в составе вооруженных сил, принципы их комплектования и т. д.).

Безусловно, одной из важнейших тем, рассматривавшихся авторами, были изменения, произошедшие в ходе войны с офицерским корпусом русской армии как вследствие громадных потерь, им понесенных, так и резкого увеличения числа воинских частей. И одно и другое в мирное время предположить было невозможно. По крайней мере, никто не мог представить, что сам облик офицерского корпуса, его моральные ценности и внутренние ориентиры окажутся буквально смыты валом людей, случайно надевших офицерские погоны и составивших к 1917 г. абсолютное большинство обер-офицерского состава и сыгравших значительную, если не главную, роль в развернувшейся затем Гражданской войне.

Представители кадрового офицерства, оказавшиеся в эмиграции, часто проводили грань между собой и своими младшими собратьями¹. Достаточно упомянуть тот факт, что при приеме на Зарубежные высшие военно-научные курсы генерала Н.Н. Головина слушатели четко разделялись на удостоившихся производства в офицеры: а) в мирное время, б) в годы Первой мировой войны и в) в годы Гражданской войны. Соответственно этому разделению возрастали и требования к поступающим, что объяснялось разницей в уровне профессиональных знаний представителей этих трех категорий.

Если же вспомнить о поистине «метеорном» производстве в следующие чины, которое практиковалось в Белых армиях, то ситуация, затруднявшая взаимоот-

¹ Вот как не без доли юмора отметил в 1934 г. генерал Б.В. Геруа, комментируя строки своего письма от 12 марта 1916 г. о необходимости собственноручного написания за три дня 82 представлений на производство в следующий чин на основании высочайше дарованных льгот: «Это было начало превращения офицерского состава русской армии в две категории: полковников и прапорщиков» (*Геруа Б.* Исправления к боевому и мирному календарю Измайловцев с июня 1915 года по июль 1916 года: Выдержки из писем командующего Л. Гв. Измайловским полком с театра военных действий. Часть III // Измайловская старина: Материалы к истории Л.-Гв. Измайловского полка. Тетрадь № 26. Александрия, 1936).

ношения даже среди активной части военной эмиграции, часто объединенной в составе одних и тех же организаций (в первую очередь, конечно, Русского общевойскового союза), получает еще одно объяснение. В то время как значительная часть русского генералитета, например, была произведена в генеральские чины еще перед Первой мировой войной, все они прошли полный курс подготовки военных училищ, многие — военных академий, значительная часть из них была представителями подлинных военных династий, служивших на протяжении десятилетий и веков царю и России «в военной службе», — рядом с ними оказывались сравнительно молодые люди, многие из которых вообще не имели полноценного военного образования. Так, один из крупнейших и активнейших деятелей русской военной эмиграции — генерал-майор Антон Васильевич Туркул, последний начальник знаменитой Дроздовской дивизии, произведенный в этот чин в 1920 г. в рядах Русской армии генерала П.Н. Врангеля, в начале Первой мировой войны был всего лишь призванным из запаса младшим унтер-офицером из вольноопределяющихся, произведенный в прапорщики (первый офицерский чин) лишь 20 октября 1914 г.² Человек, который в мирное время дважды (!) безуспешно пытался поступить в военное училище³, на двух войнах за шесть лет проходит путь от прапорщика до генерал-майора, причем производится в последний чин в возрасте 27 лет!

Это ни в коей мере не умаляет военного таланта и личной храбрости А.В. Туркула, не раз подтвержденных в боях на фронтах мировой и Гражданской войн, многочисленными ранениями и высокими наградами, вплоть до ордена Св. Георгия 4-й степени, но... Именно это «но» вызывало порой негативное отношение со стороны «старых генералов», которые не могли до конца принять ситуацию, когда рядом с ними, наравне с ними, оказались «бывшие штабс-капитаны, сделавшиеся генерал-лейтенантами»⁴. Справедливости ради стоит заметить, что раскол в среде офицерского корпуса начался еще в дни Февральской революции, когда для старшего командного состава (за редкими исключениями) революционные изменения не несли практически ничего хорошего: если и не смерть от рук распоясавшейся солдатни, то почти наверняка унижение, неза заслуженную отставку и жизненный крах. Для части же обер-офицерского состава открывались широкие перспективы карьерного роста, отступали опасения за свое будущее: зна-

² Приказ главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. 1914. № 176.

³ В 1910 г. — в Одесское, а в 1911 г. — в Тифлиское. Неудачи постигали юного вольноопределяющегося на вступительных экзаменах. А ведь оба училища были «трехклассными», недавно преобразованными из пехотных юнкерских, для поступления в которые не требовалось даже законченного среднего образования. Подробнее см.: Бушин А.Ю. Орден Святого Георгия штабс-капитана Туркула // Военная быль. 1997. № 9 (138). С 12.

⁴ Автор этой фразы — генерал-лейтенант А.П. Будберг, записавший ее в своем «Дневнике», был отнюдь не самым справедливым человеком, скорее наоборот — весьма желчным, но в данном случае бывшему заведующему военным министерством в правительстве верховного правителя адмирала А.В. Колчака вольно или невольно удалось «ухватить проблему»: штабс-капитан — высший офицерский чин, которого по закону мог достигнуть человек, не имеющий специального военного образования. О характеристике «Дневника» генерал-лейтенанта барона А.П. Будберга см.: Езев А.Б. К вопросу о «допустимости», «легитимности» и «правомочности»...: (Из истории Георгиевских наград на Востоке России в 1918–1919 гг.) // Военная быль. 1993. № 4 (133). С. 9–10.

чительная часть «офицеров военного времени» в 1917 г. были молодыми людьми, чей самостоятельный жизненный опыт ограничивался войной, приближение окончания которой — причем победоносного, что уже чувствовалось, — неизбежно ставило вопрос о сокращении как армии вообще, так и офицерского корпуса в частности, причем резкого — в несколько раз. В революционной России столь туманные перспективы отходили на задний план, в то же время шло ускоренное производство в следующие чины: законодательные ограничения царского режима переставали действовать одно за другим, что позволяло делать поистине «звездные» карьеры, когда за несколько месяцев в «армии революционной России» за «тыловые подвиги» люди перескакивали через несколько чинов и занимали должности, на которые ни по служебному опыту, ни по заслугам не могли даже претендовать при нормальном ходе государственной жизни⁵.

К тому же 1917 г. принес с собой снятие абсолютно всех действовавших ранее ограничений на достижение офицерского чина, и в то же время, ввиду разложения как тыловых, так и фронтовых частей, десятками тысяч стали насчитываться сверхштатные офицеры, многим из которых в прямом смысле слова просто было нечем заняться. В таком же положении оказалась и значительная масса офицеров тыловых частей, которые вышли из повиновения и которых взять в руки при отсутствии дисциплинарной власти у начальников и реальной поддержки со стороны государственной власти не было возможности.

Резкое изменение самой сути офицерства чувствовалось кадровыми представителями офицерского корпуса еще во время Первой мировой войны. Громадные потери и вследствие этого большая текучка кадров уже на второй год войны привели к тому, что в старых полках полковые командиры предпочитали организовывать при штабах какой-то запас из кадровых офицеров полка, возвращавшихся после ранений и болезней, чтобы хоть как-то сохранить кадры. На офицеров военного времени смотрели в большинстве своем как на людей случайных, по какой-то нелепости оказавшихся среди офицерского состава. И зачастую такое мнение было оправдано. Февральская революция и Гражданская война не смогли сгладить этой разницы.

Отчетливо такое разделение выявилось в гвардейских частях, где офицеры пополнения зачастую оставались на положении прикомандированных, будучи как бы второсортными. Вина в этом в первую очередь ложится, конечно, не на них, а на старшее командование, формально заполнявшее освободившиеся вакансии, не считаясь с законными правами гвардейских частей и мнением их командиров.

⁵ Достаточно вспомнить бывшего подпоручика А.А. Краковецкого, произведенного в мае 1917 г. сразу в подполковники и назначенного в августе 1917 г. помощником командующего войсками Иркутского военного округа. Служебный опыт бывшего офицера Варшавской крепостной артиллерии ограничивался двумя годами службы и... восемью годами тюремного заключения. Таким же «вундеркиндом» оказался и помощник командующего войсками Петроградского военного округа бывший прапорщик запаса Кузьмин (Козмин, Кузмин), освобожденный революцией с каторги и «прошедший» за полгода все обер-офицерские чины. Быструю карьеру сделали родственники и личные друзья А.Ф. Керенского, «росшие» вместе с ним в должностях: подполковник В.Л. Барановский, в августе ставший генерал-майором и генерал-квартирмейстером Северного фронта, зауряд-подполковник П.А. Коровиченко, бывший присяжный поверенный, возглавивший в 1917 г. сперва Казанский, а затем Туркестанский военные округа и также получивший генеральские погоны, и т. д. и т. п.

Об этом, в частности, писал генерал А.И. Деникин: «Помню, когда в сентябре 1916 года, после жестоких боев на фронте Особой и 8-й армий, генерал Каледин настоял на укомплектовании гвардейских полков несколькими выпусками юнкерских училищ, — офицеры эти, неся наравне с гвардейцами тяжелую боевую службу, явились в полках совершенно чужеродным элементом и не были допущены по-настоящему в полковую среду»⁶.

Но как иначе могло отнестись к ним гвардейское офицерство, комплектовавшееся на протяжении десятилетий по строжайшему отбору и исключительно при согласии всего общества офицеров на принятие в полк нового кандидата? Как могли они отреагировать на «помощь» высшего начальства, которое в ответ на донесение о больших потерях в офицерском корпусе гвардейской пехоты «успокаивало» их устами командующего 8-й армией генерала А.М. Каледина: «Я пришлю вам два вагона прапорщиков». И это в частях, где подход к каждому новому офицеру был строго индивидуален, где отбирали даже нижних чинов!

Гвардейский сапер Н.П. Поморский-Толлер вспоминал: «Такие скороспелые офицеры стали к нам прибывать из штаба на подводах, по 3–4 одновременно, и на каждой было по несколько этих “водителей” наших бедных солдат. Скоро их перестали считать по числу офицеров, а просто говорили: “прибыло две тачанки калединских прапорщиков”... И это наименование — “калединский прапорщик” — прочно за ними установилось»⁷.

У этой молодежи была храбрость, был порыв и готовность умереть, но ни опыта, ни достаточных знаний они не имели и авторитетом у солдат не пользовались. Что и немудрено: любой унтер-офицер или старый солдат не уступали им в познаниях, но вели себя надежнее в бою. «И вот умирать, конечно, умели и эти мальчишки, но умирать с пользой — они все же не умели... Не редкими были случаи, когда некоторыми ротами командовали старые подпрапорщики или унтер-офицеры, а младшими офицерами числились “прапорщики калединской школы”. Иначе и быть не могло!»⁸

Серьезный вклад в изучение изменений в составе офицерского корпуса русской армии за годы Первой мировой войны был сделан в 1924 г. генералом Виктором Васильевичем Чернавиным, опубликовавшим в «Военном сборнике» Общества ревнителей военных знаний свою статью «К вопросу об офицерском составе Старой Русской Армии к концу ее существования»⁹. На основании имевшихся у него материалов о командном составе полков 6-й армии осенью 1917 г. и собственного опыта (в том числе на должности командира полка) ему удалось представить картину изменений в офицерском составе русской пехоты в ходе войны и ее положение к октябрьскому перевороту. До сих пор эта работа остается основным исследованием по данному вопросу. Автор в самом начале своей статьи справедливо отметил: «Разобраться в вопросе о том, как изменялся офицерский

⁶ Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. 1. Вып. 1: Крушение власти и армии. Февраль — сентябрь 1917. М., 1991. С. 85.

⁷ Поморский-Толлер Н.П. Воспоминания гвардейского сапера. Новый Сад, Б. г. С. 172.

⁸ Там же. С. 173.

⁹ Чернавин В.В. К вопросу об офицерском составе Старой Русской Армии к концу ее существования // Военный сборник. Белград, 1924. Кн. 5.

состав русской армии в течение мировой войны и из каких элементов он состоял к концу ее, было бы очень полезно. Не сделав этого, трудно понять многие явления как этой войны, так и, в особенности, последующего периода»¹⁰.

Стоит отметить, что в своих книгах и статьях обладавшие значительным служебным и боевым опытом представители кадрового офицерства были далеки от идеализации офицерского корпуса в мирное время и не стеснялись акцентировать внимание на недостатках и просчетах «военной машины» Российской империи, проявившихся в ходе Первой мировой войны. Благодаря их работе в эмигрантский период раскрываются многие пробелы в истории Первой мировой на русском фронте, ими высвечены те ошибки, которых должна была избежать в будущем русская армия.

Например, в одном из главнейших звеньев — на должностях командиров полков — к 1917 г. оставалось мало офицеров, имевших высшее военное образование. Основную массу полковых командиров составили офицеры, вышедшие на войну на должности ротных и батальонных командиров, а также офицеры, занимавшие в начале войны административные и учебные должности. Обладая большим боевым опытом, молодые полковые командиры не обладали должным опытом в хозяйственно-административной и воспитательной области либо же наоборот: прекрасно разбираясь в нестроевых вопросах, отвыкшие от строя пожилые офицеры не всегда могли должным образом руководить боевыми действиями в новых условиях ведения войны. Причем аналогичная ситуация складывалась как на более высоких, так и на низших ступенях командования.

В конце 1916 г. было предпринято реформирование двухдивизионных корпусов в трехдивизионные за счет выделения из существующих полков по одному батальону и двух рот. Инициативу проведения этой реформы приписывают генералу В.И. Гурко, замещавшему в конце 1916 — начале 1917 г. на должности начальника штаба Верховного главнокомандующего заболевшего генерала М.В. Алексева. Реформу эту не критиковал разве что ленивый. Генерал В.И. Гурко также озаглавил одну из своих статей «Чрезвычайно неудачная по замыслу реформа». Вообще редко в истории найдется реформатор, который бы столь критично отнесся к своему детищу.

Некоторые аспекты, подтолкнувшие генерала В.И. Гурко на такие меры, ускользали и ускользают от внимания критиков. В частности, уменьшение состава дивизий и полков должно было облегчить задачу командного состава: «Двенадцатиб<атальон>ная дивизия являлась более *легко управляемой* в бою, менее громоздкой на походе — преимущество не малое для молодых н<ачальни>ков дивизий, не имевших мирно-маневренной практики.

Еще более это обстоятельство сказывалось в полках, где увеличение числа пулеметных команд делало управление 4-х б<атальон>ными полками для командиров, выступивших в поход ротными к<оманди>рами, делом почти непосильным с оживившимся (вероятно, опечатка; имеется в виду «ожидавшимся»). — А. М.) началом маневренной войны»¹¹.

¹⁰ Чернавин В.В. К вопросу об офицерском составе Старой Русской Армии к концу ее существования. С. 213.

¹¹ Гурко В. Чрезвычайно неудачная реформа // Вестник военных знаний. 1931. Июль. № 4 (12). С. 12.

Некоторые представители кадрового офицерства и в эмиграции продолжали относиться к офицерам военного времени как к неким «париям», пусть даже они честно прошли тяжкую страду мировой и Гражданской войн. Наиболее резко (вплоть до несправедливости) это отношение было выражено в журнале «Армия и флот», выходявшем в Шанхае, в письме одного из известных генералов, скрывшегося под псевдонимом Комендантов: «Германская война породила огромное количество прапорщиков запаса, которые превысили в несколько раз остатки от боев кадровых офицеров и ничего общего не имеющие со званием офицера, из них было много и зауряд-полковников, просочившихся в армии Колчака в генералы, а сколько самозванцев с украденными документами?»

К горю нашему, старых кадровых офицеров, и к удовольствию многих «имя рек», при благосклонном участии писак, только и читаешь: на скамье подсудимых — полковник Н. или генерал М., в воровстве попался «офицер»... Да какой же это офицер, когда он до Германской войны занимался тем, в чем попался в настоящее время?»¹²

Редактор издания полковник Генерального штаба Н.В. Колесников счел необходимым в том же номере возразить «глубокопочтенной и уважаемой всеми личности» (т. е. автору цитированного выше письма — генералу, живущему в Харбине): «...мы не можем не указать на некоторую опасность и несправедливость в современные нам дни разделять офицеров на кадровых и некадровых.

<...>

На призыв генерала Корнилова, адмирала Колчака, ген. Деникина, ген. Юденича и ген. Миллера не всегда откликались кадровые офицеры, а зачастую это были: юнкера, кадеты, студенты, гимназисты, реалисты, иногда прапорщики германской войны, о которых так волнуется автор письма, и вполне понятно, что не их вина, что они родились позднее и не успели быть «кадровыми» офицерами.

Своею кровью и телами они засвидетельствовали точно такую же верность России, как и кадровый офицер.

А разве мало кадровых офицеров совершило еще большую подлость в отношении нашей Родины, чем те недостойные люди, о которых пишет Комендантов?»¹³

Была правда в возражениях полковника Колесникова, но изрядная доля истины оставалась и в словах харбинского генерала. В некоторой степени этот эмигрантский спор был отголоском споров и дискуссий о значении Гражданской войны, о значимости ее опыта и возможности его использования в будущем, в освобожденной от большевиков России. В силу более молодого возраста и громкой славы боев в России на первые места в среде военной эмиграции выдвигались молодые генералы Гражданской войны, имевшие большой авторитет среди своих подчиненных, уходившие в изгнание во главе своих родных частей и соединений, прошедшие с ними первые годы тяжелой эмигрантской жизни и ставшие во главе этих групп. В то же время значительная часть кадрового офицерства получила возможность объединиться лишь в эмиграции, далеко не все старые офицеры принимали активное участие в Гражданской войне, тем более далеко не все оказывались в составе той или иной Белой армии. Слава старых частей импера-

¹² Комендантов. Письмо в редакцию // Армия и флот. Шанхай. 1933. № 9 (1181). С. 62.

¹³ Колесников Н.В. Ответ // Там же. С. 63–64.

торской армии на полях Гражданской войны явно уступала громкой известности различных «добровольческих» формирований и «цветных» частей. В то же время на протяжении всей Гражданской войны основная масса кадровых офицеров стремилась (и часто небезуспешно) к возрождению своих родных полков, переводилась в образовывавшиеся полковые ячейки из других частей со всех концов фронта, что говорит о крепкой «закваске» традиций и любви к родному полку. Но абсолютное большинство из надевших офицерские погоны к 1917 г. ни дня не служили в своих полках в мирное время, более того, часто в них уже не оставалось «старых» офицеров, способных об этом даже рассказать. Еще хуже было то, что большинство прапорщиков выпускались в части, появившиеся хорошо если при мобилизации, а то и просто в ходе войны, формируемые с нуля или из различных ополченских дружин; это были в прямом смысле временные формирования, срок жизни которых окончился бы с приказом о демобилизации армии, ни о какой долгой истории, крепких вековых традициях и устоявшемся укладе полковой жизни в подобных условиях речи идти не могло. Хотя бы в силу этих, пусть и естественных, обстоятельств основную массу тех, кто пошел «на призыв генерала Корнилова, адмирала Колчака, ген. Деникина, ген. Юденича и ген. Миллера», составили именно «временные» офицеры «временных» частей, часто с весьма поверхностным военным образованием, для которых положение рядового бойца в какой-нибудь офицерской роте было вполне естественным и даже органичным.

Далеко не всегда в годы Гражданской войны производство в офицерский чин несло за собой изменение статуса военнослужащего и увеличение его должностных обязанностей, а уж тем более увеличение его специальных знаний. Начавшееся еще в эпоху Первой мировой войны расхождение между чином и занимаемой должностью в годы войны Гражданской приобрело просто-таки фантазмагорический характер: штабс-капитаны на должностях ездовых и прочей орудийной прислуги, есаулы, назначаемые командовать пехотными полками, профессор В.Х. Даватц, производимый в подпоручики за чтение лекций... Не раз участники Белого движения в своих воспоминаниях отмечали, как старые полковники шли рядовыми в ротах у штабс-капитанов — да, безусловно, жертвенность данных штаб-офицеров очевидна, что и пытаются показать авторы, но в то же время столь «революционный» подход нельзя признать нормальным для армейского строительства, тем более в случае этого строительства уже на государственном уровне, после победы (так и не озарившей знамена Белого движения).

От преувеличения значения Гражданской войны (довольно ярко, кстати, проявившегося в СССР) предупреждал один из основных военных мыслителей русского зарубежья генерал Н.Н. Головин: «Первое время после переворота (т. е. свержения большевиков. — А. М.) в командном составе непременно будет господствовать тенденция преувеличивать значение опыта Гражданской войны. Большая часть лучшего офицерского состава, на котором будет строиться будущая Российская Армия, участвовала в Гражданской войне на той или другой стороне внутреннего фронта»¹⁴.

Об этом же писал в рецензии на вызвавшую большую полемику в эмигрантской военной среде книгу Б.А. Штейфона «Кризис добровольчества» А.Н. Ви-

¹⁴ Головин Н.Н. Мысли об устройстве будущей российской вооруженной силы // Военный сборник. Белград, 1925. Кн. 6. С. 167.

ноградский: «Попутно попытаемся высказаться окончательно по поводу того значения с чисто военной точки зрения, которым обладает гражданская война 1917–20 гг. Вывод получается двусторонний: представляя многочисленные, если не сплошные примеры высокой военной доблести, эта война с военно-научной точки зрения не может ничего дать в области методов и подхода к разрешению задач при будущих столкновениях... Военная политическая обстановка, *вожде*ние войск, отсутствие технических средств, соотношение между протяжениями фронтов и силами, выдвижение на высшие командные посты и вообще боевая подготовка войск, — все это ряд основных данных, которые настолько отличны от того, с чем приходится встречаться в серьезной европейской войне, что предметом серьезного изучения с целью почерпнуть руководящие выводы гражданская война 1917–20 гг. служить не может. Это не исключает, разумеется, преклонения перед теми, кто в свое время, добровольно, движимые святой идеей, беззаветно дрались против поработителей России, и не их вина, что пришлось им проявлять свою доблесть в настолько исключительных условиях, что плоды ее могут быть сохранены лишь как прекрасный, но мертвый памятник»¹⁵.

В эмиграции кадровое офицерство как бы постаралось вернуть себе утраченные позиции, объединяясь в союзы и общества своих прежних частей и военно-учебных заведений, восстанавливая связь с однополчанами, часто — оставаясь в профессии (пускай и в иностранном мундире либо же только «в нерабочее время»). Изучение и систематизация опыта проведенных войн, тщательное наблюдение за новшествами в военной области как в европейских странах, так и в СССР, активная творческая деятельность по выработыванию новых форм военного строительства, подготовка офицерского корпуса будущей российской армии (путем всевозможных школ, курсов и т. п.) — все это в первую голову ложится именно на кадровых офицеров. Для такой системной и систематической работы у молодежи не хватало ни опыта, ни в первую очередь знаний. Молодые генералы проявляли свою активность скорее на политическом фронте, крайне (и не без симпатий) интересуясь успехами фашизма и национал-социализма, при возможности — готовы были принять участие в активной работе против СССР или же в вооруженных конфликтах на других континентах.

А старые офицеры продолжали ради будущей России воспитывать и учить молодежь, изучать опыт минувших войн и делать все возможное для того, чтобы не повторились прошлые ошибки, стоившие многих тысяч жизней и крушения российской государственности, в возрождение которой они верили и для которой работали. В том числе и изучая изменения в офицерском корпусе «Старой Русской Армии», ибо «прапорщик платил своей кровью за “невязки” штабных расчетов наравне с нижним чином. Но за неподготовленность прапорщиков дорого заплатили и они сами, заплатила дорого и Россия. Нельзя допустить, чтобы остались неиспользованными тяжкие уроки нашего недавнего прошлого»¹⁶.

¹⁵ Виноградский А.Н. Вокруг книги «Кризис добровольчества» ген.-майора Б. Штейфона // Вестник Союза офицеров участников войны. 1929. № 3. С. 26.

¹⁶ Соколовский М. Подготовка офицерского состава в будущей России // Армия и флот: Вестник сухопутных, морских и воздушных сил. Париж. 1938. Март. № 3. С. 2.